

ВРАГ У ВОРОТ

ФАНТАСТИКА

БЛИЖНЕГО

БОЯ

ОЛЕГ ВЕРЕЩАГИН

ОЧИЩЕНИЕ

ЭКСМО

МОСКВА

2015

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В31

Иллюстрация на обложке
Нины и Александра Соловьевых

Верецагин, Олег Николаевич.
В31 Очищение / Олег Верецагин. — Москва : Эксмо,
2015. — 480 с. — (Враг у ворот. Фантастика ближ-
него боя).

ISBN 978-5-699-79308-2

Что делать офицеру русской морской пехоты, когда понятия присяги, службы Отечеству, верности долгу потеряли всякий смысл? Когда исчезло и само Отечество, вместе с остальным миром сожженное в пламени термоядерного пожара? Николай Романов пережил глобальный апокалипсис во Владивостоке и думал, что никогда уже не возьмется за оружие... Но Романову пришлось не только вспомнить, кто он такой, но и возглавить добровольческую Русскую Армию – единственную силу в мире, способную противостоять хаосу...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-79308-2

© Верецагин О., 2015
© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

*Посвящается Ярославу Воскоенко
и всем бойцам отряда «Юная самооборона» —
ЖИВЫМ И ПАВШИМ*

...Детский садик кончился, детям пора в школу,
Лишние интеллигенты поросли травой.
Разбудили Герцена, пили Coca-Cola,
А в итоге поле проросло войной...
Симулякры не спасут, мертвецам не молятся,
И за телевизор выйдет плата по счетам.
Раз пошла такая пьянка — смертью за околицу,
Даже сам Шварценеггер не поможет вам!
Где гуляет Disco-бар, завтра будет кладбище,
Так бывает... не беда, лишь бы хлеба росли.
Лишь бы были дети, те, что на мировом пожарище
Для новых храмов и домов отбивали кирпичи.

А. Непомнящий. Веселая славянофильская

Пролог
ДЕНЬ ПОСЛЕДНИЙ
ПО СТАРОМУ СЧЕТУ — 27 МАЯ 20 ОТ Р. Х.**

Земле стало душно, и камням тесно.
С облаков и стен позолота сползла.
Серая крыса
с хвостом железным
Из самого черного вышла угла.
И — вспыхнуло все.
И люди забыли,
Кто и когда их назвал людьми.
Статуи ладонями лица закрыли.
Никто не ушел.
Никто.
Аминь.

Н. Тихонов. Крыса

Место первое
Москва. Два человека

Они были практически ровесниками, эти два смотревших друг на друга человека.

Один, облаченный в неброский дорогой костюм, сидел в напряженной позе за столом в комнате, подделовому обставленной. Ничто не говорило о том, что над его головой — две сотни метров природного грунта и камня, многочисленные сверхпрочные перекрытия и еще пять ярусов коридоров. Каждый из ярусов представлял собой, в сущности, маленькую автономную крепость с отличной защитой.

Другой смотрел на него с большого экрана связи — седой, коротко стриженный, в старой, почти нелепой повседневной форме капитана Советской армии. На груди кителя табачного цвета скромно сгруппировалось в четкий строй несколько планок «старых» наград.

«Странно, — подумал человек в костюме. — Почему он в этой форме? Он ведь уже несколько лет как генерал-лейтенант...» Потом он понял наконец — **почему**, и понял еще, что весь их разговор, начавшийся три минуты назад, не имеет смысла. Изначально не имеет смысла. Совсем. Понимание это окатило ледяной волной смертельного ужаса, но внешне ему удалось сохранить спокойствие. Полное. Может быть, все-таки позвать психолога-переговорщика? Но человек на экране предупредил, что разговор будет только с ним. С ним одним. И он не шутил, и в нем не было ничего от тех истеричных личностей — как бы они себя ни именовали, политиками ли, шахидами, идеологами, — которых может уболтать сколь угодно талантливый психолог. Да и о чем переговорщик будет говорить с человеком на экране, если все уже кончено? Еще до начала вызова?

Форма капитана Советской армии подтверждала это. Собственно, человек в костюме даже не очень хорошо понимал, зачем он еще ведет этот разговор. Это ведь даже не соломинка, за которую хватается утопающий...

— Прекратите. — Невзирая на отвлекающие мысли, голос человека в костюме был резок и сух, хотя и негромок. Голос того, кто привык к подчинению и умеет его добиваться. — Я не знаю, как вам это удалось, но я требую...

— Вы не можете ничего требовать, потому что ничего в этом деле уже не контролируете. — Голос человека с экрана тоже был спокоен, чуть хриловат, словно бы сорван с детства, но — решителен. — А мы — контролируем и не собираемся ничего пре-

кращать. Да уже и не можем. Запуски идут. Отовсюду, даже оттуда, где мы ничего не планировали и не брали под контроль. Это уже как цепная реакция. Посмотрите сами, у вас не может не быть карты.

Карта была. Да. На еще одном экране, справа за спиной. Но человек в костюме боялся смотреть туда и старался не слушать истошного звона и гудения сразу нескольких телефонных аппаратов и звонких отрывистых щелчков селектора внешней связи. Для него сейчас существовал лишь человек на экране — казалось, что еще как-то можно его убедить, успокоить... если не смотреть на карту. Это как чтение приговора. Пока он не прочитан — можно еще во что-то верить и на что-то надеяться.

«Неужели они сделали это? — с ужасом, сохраняя каменно-суровое лицо, подумал человек в костюме. — Они правда сделали это. Как же я упустил... недоглядел... и эти сумасшедшие...» А ему-то казалось, что верха надежно зачищены, и судорожные, опасливые действия армии в последние недели вроде бы подтверждали это...

Его взгляд упал на разложенные по столу листки свежих указов. Только что подписанных, практически еще пахнущих чернилами. Их содержание знали всего несколько человек на Земле, в том числе и он. И он осознавал, что этими указами... Но лучше распад Федерации, чем глобальная ядерная война! Разве нет?!

Он стоял перед выбором... и он спас мир, прекратил вяло тянущийся уже несколько месяцев конфликт... да и Россию он спас, ведь так?! Пусть и не всю, пусть и... но — спас! А эти...

«Не лги себе, — неожиданно подумал он. — Ты не спасал ничего, кроме своего кресла и куска власти. «Мне хватит» — вот как ты думал. Ты все сделал бездарно. С того самого момента, как в конце зимы начались первые стычки на Кавказе и на юго-западе в Причерноморье. Грозная риторика сочеталась с вялыми действиями. Игра в поддавки. Приглашение

к совместному сексу, ха-ха. Да, это с самого начала было игрой в поддавки. Ты устал от страха, ответственности, риска, проблем — и только и думал, как половчей сдать на хранение в чужие... враждебные, не просто чужие... руки этот груз... **Россию**».

— О! Вижу. Опомнились. Стартуют первые ответные, — послышался голос с экрана, и человек в костюме дернулся, как от удара током. — Телефон у вас, я думаю, уже плавится...

— Вы-то на что надеетесь?! — Его вопрос свидетельствовал о прорвавшейся таки злости. — На вас же первых...

— Ни на что. — В голосе человека с экрана прозвучало искреннее и даже испуганное какое-то удивление. — Вы что, всерьез думаете, что **можно начать такое — и позволить себе остаться жить?**!

«Я бы остался», — снова ясно и безжалостно подумал хозяин кабинета. А человек с экрана продолжал говорить:

— Да и не кончено еще ничего. Кстати, уведомляю вас — Черноморский флот вашему приказу не подчинится. Десантная эскадра миротворцев будет встречена... Как положено, в общем, будет встречена. Как от предков и по уставу завещано, а не как «рекомендовано». Они этого не ждут, и достанется им в день встречи по полной; если бы история продолжала свой обычный ход, этот день стал бы еще одним днем русской воинской славы, честное слово! — Он яростно и весело сузил на миг глаза. — Да и в других местах теперь каждый будет решать сам. А ни ваши приказы, ни мои пожелания уже не будут иметь значения к этому моменту. И кроме того... очень скоро приглашенным вами надзирателям станет совсем не до оккупации. Собственно, им уже сейчас не до нее. Все катится по инерции... надо же, тут и Пакистан с Индией сцепились. — В голосе был отстраненный интерес, он явно рассматривал что-то, что не было

видно собеседнику в кабинете. — И Китай... хм, а у Израиля ракет-то... вот ведь запасливые. Ну как есть жида. А вот и Иран... Не думаю, что у них много, но Земле обетованной много и не надо...

В кабинете стало почти тихо. Теперь звонил — звонил бесконечно — только один телефон. Тот самый. Главный. «Для получения, понимаешь, указаний» — как, похохатывая, полуворчливо-полушутливо говорил предшественник. Звонил истерично, длинно, и в звонке были последние пароксизмы надежды.

Человек в костюме вдруг представил себе улицы города, в котором находился. Города наверху. Представил себе лица детей. Именно детей. На последнем звонке во вполне обычной московской школе, где он был недавно. По аналогии с этим звонком. Тоже — **последним...**

«...Восемь минут. Нет, уже меньше. Три, наверное. Или — и вовсе две?!»

В эту секунду им овладело обычное человеческое чувство, чистое и сильное, — такого он не позволял себе уже много-много лет. Ему стало жалко — до слез, до удушья жалко детей, лица которых он вспомнил невероятно отчетливо. Полные веселья и смеха, несмотря ни на что.

Через минуты они умрут. Он не думал сейчас ни о договорах, ни о себе, ни о чем — кроме этих лиц живых детей, которые странным и страшным образом были в то же время уже мертвыми. Хотя они играли после школы, готовились к ЕГЭ, просто бездельничали...

«...Три минуты? Нет, точно уже две...»

— Вас проклянут, — тихо сказал человек в костюме. Сейчас его голос не был наигранным. Сейчас его голосом управляли не эмоции, а холодный рассудок политика. Он говорил искренне. — Вы не понимаете, что наделали. Проклянут вас. Проклянут Россию. Проклянут весь наш народ. Вы обрекли сотни мил-

лионов... миллиарды, наверное... На века, на долгие века эти слова — «русский», «Россия» — станут синонимом...

— Подождите, — попросил человек с экрана. Тоже очень простым и усталым голосом. — Постойте. Вы всерьез думаете, что **проклятье тех, кто проклят, чего-то стоит?** Я успел просмотреть сегодняшние новостные ленты. Совет Европы рекомендовал странам — членам ЕС признать педофилию сексуальной ориентацией. Они уже который месяц ведут войну с нами, не желая признать, что ведут эту войну, распахивают по углам своих чопорных и не очень городов новые и новые гробы, затыкают запретами и дискредитациями рты своим любимым журналистам, без суда сажают в психушки родителей погибших солдат и жен погибших офицеров... болтают и болтают об очередной «миротворческой операции на восточноевропейских территориях» — и одновременно у себя дома признают **это** ориентацией. А месяц назад они официально и полностью отменили половые различия. Так сказать, отменили природу декретом; было бы смешно, если бы не было так страшно. Понимаете, завтра они признают каннибализм. Послезавтра официально отменяют любовь к родителям... Потом... я не знаю, у меня просто не хватает фантазии, я старый уже человек, и мой разум недостаточно гибок для такой... моральной акробатики. Но я знаю, что мир, в убийстве которого вы нас обвиняете, давно мертв. Мы, может быть, последняя часть этого мира, где еще теплится остаток нормальной жизни. Этот огонек стараются погасить. Упорно. Больше ничего не замечая, хотя половина суши во власти либо религиозных изуверов, либо откровенных дикарей и садистов. И вы стали пособником в этих попытках погасить наш огонек. Вы запутались и испугались. Вчера вы подписали указ...

— Откуда вам это известно? — перебил собеседника человек в костюме.

Человек на экране покачал насмешливо головой:

— Я могу вам даже фамилии наших информаторов назвать, это уже ничего не изменит... но зачем? Мы до последнего надеялись, что вы переборете свой страх. Тогда был бы шанс — пусть и с огромными потерями — остановить врага, нанести ему одно из тех сокрушительных военных поражений, от которых он отвык и которых боится, переполнить привезенными с Востока гробами улицы его городов, чтобы их стало уже не спрятать, и установить пусть шаткий, но мир. А дальше строить свое под защитой победы. И, может быть, излечить в конечном счете и всю нашу планету. Не только от мерзости, которая поразила мозг... мозг белых людей, но и от иных, не менее опасных, хотя и не столь заметных — пока! — болезней. Но вы разрушили этот шанс, когда сообщили о подписании указа нашим врагам. Сообщили даже до опубликования его в СМИ. Это ведь должно было произойти сегодня вечером? Вы обвиняете в том, что мы убили. Но вы не убили. Нет. Вы отдали на долгую и медленную смерть. На поругание. Хуже — на посмешище. Если для вас это все — просто смешные слова, то для нас — нет. Все еще нет. Лучше бушующий огонь и попытка, почти невероятная попытка начать с чистого листа, чем медленное и постыдное умирание, пусть и в благополучии. Впрочем... благополучии для единиц. Не так ли? — Глаза с экрана словно бы заглянули прямо в душу хозяину кабинета. — Для остальных — гигантские лагеря психологической корректировки? Как в Белоруссии, на Украине, на Балканах и в центральных штатах США? Массовый выпуск радостных граждан нового мира и утилизация тех, кто не может или прямо не хочет ими становиться?

— Это была единственная возможность... — Человек в костюме говорил с трудом. Он привык и умел лгать, но сейчас ложь обжигала ему горло и язык,

на самом деле обжигала, хотя еще полчаса назад он бы только усмехнулся, если б ему сказали, что такое возможно не в глупой книжке. — Условия не так уж тяжелы... Мы даже получим компенсации за разрушенное в последние недели... частичные, но компенсации... — Он поймал себя на том, что говорит обо всем этом в будущем времени, хотя это уже невозможно, он ужаснулся, но по инерции продолжал: — Россия сохранится... пусть и с территориальными потерями... мы могли бы создать истинно русское государство... нам бы позволили... поверьте, я думал о России в первую очередь... — И теперь вдруг понял, что оправдывается, причем глупыми словами, пытаясь понравиться собеседнику, — и замолчал.

— Я верю, — неожиданно сказал человек с экрана. — Верю в то, что вы хотели блага. Мира. Спасения. Просто мы по-разному видим Россию. Мы — люди из разных миров и по-разному смотрим на вещи. И дело не в территориальных потерях, не в смене названия, и не такое бывало в нашей истории — хотя, согласитесь, «Восточноевропейская Российская Конфедерация» звучит достаточно нелепо... — дело в том, **кому** вы собрались сдаваться. Вы сдаетесь не врагу. Вы сдаетесь вампиру. Который высосет нас, последний живой кусочек Земли, а потом все равно подохнет. Потому что не умеет жить, иначе как высасывая чужие жизни. Он не завоеватель, не покоритель, не победитель, даже не разоритель — это все человеческое. **Он просто вампир...** И еще. Вам не надо было за все это братья. Вообще. Россия — не ваш уровень... — Собеседник на экране опустил голову, помолчал устало. Молчал и хозяин кабинета. Потом седая голова поднялась, и человек в костюме поразился — человек на экране грустно и светло улыбался: — Вот и кончено. Мы никогда не увидимся **здесь...** но я верю, что по-

томки вспомнят нас не злым словом и не восхвалениями — а **беспристрастно**. — Он бросил взгляд куда-то влево и сказал задумчиво, словно бы читая лекцию курсантам: — Итак, эра подошла к финалу — первые боеголовки упали на восточное побережье США. Меньше чем через минуту ответные будут в Москве... а ПВО неплохо работает вообще-то, молодцы мужики... Не о чем больше говорить. — И добавил, называя человека в костюме на «ты», как называл когда-то давно, в совсем другом мире, где было стократ больше живого солнечного света, пронизывавшего стремительно летящие мимо дни и озаряющего неспешные и, конечно, счастливые годы впереди. Куда все это ушло?! Почему?! — не понимал человек в костюме. Он хотел спросить об этом, но не успел, потому что услышал последнее слово: — Прощай.

Экран погас.

«Вот и все», — подумал он, глядя, как в сероватой глубине горит отражение серебристого блика лампы над входом. От этой мысли ему неожиданно стало... очень легко. Как будто разом упал с плеч чудовищный груз.

— Вот и все, — повторил он вслух. И улыбнулся.

Первым нажатием кнопки на пульте он заблокировал дверь. Вторым — выключил внешнюю связь, чтобы не слышать, как сюда будут ломиться... да нет, давно ломаются ошалевшие от ужаса и непонимания творящегося охранники и советники. Удобней устроился в кресле, закрыл глаза и стал думать о том, что сегодня воскресенье и не надо идти в школу. Он отоспится как следует, а к полудню побежит с друзьями на речку через жаркий майский день.

Ему было хорошо и спокойно. Впервые за много-много даже не лет — десятилетий.